МИР 20.10.2021 | Катарина Пистор

«Досье Пандоры» и угроза демократии

Законы пишутся богатыми и для богатых. Чем активнее они настаивают на легальности своих действий, тем меньше общество доверяет законам.

«Досье Пандоры», новое расследование, проведенное под руководством Международного консорциума журналистов-расследователей (ICIJ), вызвало негодование во всем мире. Политиков, бизнесменов, звезд спорта и культуры поймали с поличным: они скрывали свое богатство и лгали по этому поводу. Но насколько вероятно, что час расплаты наступит для юристов и бухгалтеров, которые им во всем этом помогали?

Нет ничего нового в той практике, которую выявило расследование ICIJ. Новостью, наверное, можно считать масштаб, изощренность и юридическую мощь, которые использовались для того, чтобы позволить современным сверхбогачам и власть имущим обходить закон. Однако единственная действительно шокирующая новость была в том, что потребовалась работа более 600 журналистов со всего мира, чтобы обнародовать информацию об этой практике, и этой работой они зачастую ставили под угрозу свою безопасность и профессиональное будущее. Такие трудности в выполнении их задач показывают, насколько сильно адвокаты, законодатели и судьи повернули закон в пользу элиты.

Чтобы скрыть свое богатство, современные богачи и власть имущие применяют юридические стратегии многовековой давности. В 1535 году король Англии Генрих VIII начал искоренять правовой инструмент, известный как «использование», потому что он грозил подорвать действовавшие (феодальные) имущественные отношения и являлся способом уклонения от налогов. Но благодаря ловкому правовому арбитражу на его месте вскоре появился новый, еще более сильный инструмент – «траст».

Юридически зафиксированный адвокатами и признанный судами «права справедливости», траст до сих пор является одним из самых

остроумных правовых инструментов, когда-либо придуманных для создания и сохранения частного богатства. Раньше он позволял богачам обходить правила наследования. А сегодня это популярный механизм уклонения от налогов и структурирования финансовых активов, в том числе ценных бумаг, опирающихся на те или иные активы, а также их деривативов.

Функционально траст меняет права и обязательства, связанные с определенным активом, не следуя при этом формальным правилам законов о собственности

Функционально траст меняет права и обязательства, связанные с определенным активом, не следуя при этом формальным правилам законов о собственности. И поэтому он создает *теневое* право собственности. Для создания траста требуется актив, например, земля, акции или облигации, и три лица: владелец (учредитель), менеджер (доверенный) и бенефициар. Владелец передает право собственности (хотя не обязательно реальное владение) на актив доверенному, который обязуется управлять этим активом от имени бенефициара в соответствии с инструкциями владельца.

Об этих договоренностях никто не получает информации, потому что нет никаких требований, касающихся регистрации права собственности или раскрытия личности всех участвующих сторон. Отсутствие прозрачности превращает траст в идеальный механизм для игры в прятки с кредиторами и налоговыми органами. А поскольку права собственности и экономические выгоды делятся между тремя лицами, никто добровольно не берет на себя обязательства, возникающие вместе с правом собственности.

Траст стал излюбленным правовым инструментом глобальных элит благодаря не какой-нибудь невидимой руке рынка, а благодаря сознательным правовым действиям. Адвокаты расширяли существующие правовые границы, суды признавали и утверждали их инновации, а затем законодатели (многие из них, вероятно, имеют обязательства перед богатыми спонсорами) кодифицировали эту практику в официальном законодательстве. По мере отмены предыдущих ограничений законодательство о трастах расширяло сферу применения.

Подобные правовые изменения означали, что все больше видов активов можно держать в трастах, а роль доверенного можно делегировать любым субъектам права, а не только уважаемым

гражданам, например, судьям. Кроме того, фидуциарные обязанности и ответственность доверенных были ограничены, а срок жизни трастов становился все более эластичным. В совокупности данные правовые изменения сделали траст весьма подходящим для глобальных финансов.

Странам, у которых такого инструмента не было, рекомендовали копировать его. Именно с этой целью в 1985 году был подписан международный договор – Гаагская конвенция о трастах. В тех странах, где законодатели сопротивлялись требованиям разрешить трасты, юристы придумывали эквивалентные инструменты, опираясь на законодательство о фондах, ассоциациях или корпорациях и делая ставку (обычно правильную) на то, что суды одобрят их инновации.

Некоторые юрисдикции изо всех сил стараются быть юридически гостеприимными для создания частного капитала, а другие пытаются бороться с налоговым и правовым арбитражем. Но правовые ограничения работают только в том случае, когда законодатели контролируют, какое именно законодательство применяется на практике в их юрисдикции. В эпоху глобализации большинство законодателей оказались по сути лишены такого контроля, потому что право стало портативным, переносным. Если в одной стране нет «правильных» законов, они могут найтись в другой. И пока в реальной деятельности бизнес может признавать и соблюдать иностранные законы, юридическую и бухгалтерскую бумажную работу можно направлять в наиболее дружественные иностранные юрисдикции. И дело сделано.

Утраченное однажды доверие к законам будет трудно восстановить. В этом случае богатые потеряют самый ценный актив из всех, что у них есть.

В результате национальные правовые системы превратились в блюда международного меню, из которого владельцы активов выбирают те законы, которым они желают подчиняться. Им не нужны паспорт или виза; им нужна лишь компания-пустышка. Обретая новую юридическую идентичность, немногочисленные привилегированные получают возможность решать, сколько им платить налогов, и какие нормы регулирования соблюдать. А когда правовые препятствия нельзя преодолеть с легкостью, адвокаты из ведущих глобальных юридических фирм готовят законопроекты, помогающие стране перенять «наилучшие методы» из мира глобальных финансов.

Золотым стандартом в этом смысле стали налоговые и трастовые гавани, подобные штату Южная Дакота и Британским Виргинским островам.

Издержки этой практики несут на себе те, кто наименее мобилен и недостаточно богат. Но превращение права в золотую жилу для богатых и власть имущих создает ущерб, который не ограничивается создаваемым сразу же неравенством. Потенциально эта практика подрывает легитимность законодательства, и поэтому ставит под угрозу сами основы демократического правления.

Чем активней богатая элита и ее адвокаты настаивают на том, что все их действия совершенно легальны, тем меньше общество будет доверять действующим законам. Да, современная глобальная элита может и дальше создавать частное богатство, благодаря этим законам. Однако нет такого ресурса, который можно добывать вечно. И утраченное однажды доверие к законам будет трудно восстановить. В этом случае богатые потеряют самый ценный актив из всех, что у них есть.

Copyright: Project Syndicate, 2021

Катарина Пистор
Нью-Йорк

Катарина Пистор (Katharina Pistor) – профессор сравнительного права в Колумбийского школе права, автор книги «Кодекс капитала: Как законы создают богатство и неравенство».